

РУКОВОДСТВО

для

СЕЛЬСКИХ ЧАСТИЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на ~~—~~ Подписка принимается въ ре-
мѣсть четыре руб., съ пере- № 1. дакціи сего журнала, при кіев-
сылкою пять р. с. ~~—~~ ской семинаріи.

1873 года. Января 7-го.

Содержание: Поганіе къ простому народу въ день нового года.—Тягости
священства.—Отвѣтъ на журнальную статью: „Наше духовенство и
церковные суммы“.—Объявленіе.

ПОУЧЕНИЕ КЪ ПРОСТОМУ НАРОДУ

въ день нового года.

»Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! такъ
обыкновенно, возлюбленные братія, мы привѣтствуемъ другъ
друга, при наступлении каждого нового года. Такое привѣт-
ствіе, такое благожеланіе счастья вы конечно и сего дня.
уже выслушали и еще выслушаете отъ другихъ, вы-
сказали и еще выскажете вашимъ близнимъ-роднымъ,
друзьямъ и знакомымъ. Такъ всѣ мы желаемъ другъ другу
нового счастья, новыхъ успѣховъ въ теченіи будущаго года.
Что же хотимъ мы сказать этимъ? о чёмъ хотимъ напом-
нить своимъ роднымъ, друзьямъ и знакомымъ, высказывая
имъ такія напутствія на наступающій годъ? Конечно, о томъ,
что наше прошедшее, пережитое нами въ истекшемъ году,
насъ не вполнѣ удовлетворяло, что въ будущемъ наступа-
ющемъ мы желаемъ другъ другу встрѣтить иѣчто лучшее,

прожить это будущее жизню болѣе счастливою и совершенною, нежели какъ жили мы въ прошедшемъ минувшемъ. Истинно христіанскоѣ желаніе! Задиля забывал, *ог пред-
нля же простирался* (Филип. 3, 13), говорить великий учитель языковъ, св. апостолъ Павелъ, указывая своимъ читателямъ на свое постоянное стремленіе къ совершенству. Но дѣйствительно ли, возл. бр., каждый наступающій новый годъ вносить въ нашу жизнь новое счастье, новое благополучіе? Наши родные, друзья и пріятели, которымъ такъ искренно желаемъ мы новаго счастья и благополучія, продолжаютъ проводить свою жизнь не подъ тѣмъ ли самымъ бременемъ, подъ какимъ проводили ее и прежде? А сами мы, выслушавши отъ другихъ столько благожеланій, лучше ли, счастливѣе ли начинаемъ жить съ каждого новаго года? Горе и слезы не также ли удручаютъ нашу жизнь и теперь, какъ удручили ее и прежде? Отъ чего же такъ? Почему же наши благожеланія, несмотря на многообразное число повтореній ихъ, не облегчаютъ тяготы и страданій нашей жизни? Неужели вся наша жизнь должна состоять только изъ одной длинной вереницы благожеланій безъ цѣли видѣть ихъ исполненіе? Неужели мы осуждены только благожелать, только манить себя и другихъ призракомъ улыбающагося счастья и никогда не видать его? Нѣтъ, братія, долговременный опытъ нашей жизни можетъ ручаться за то, что наши желанія лучшаго и вмѣстѣ стремленія къ нему, не пустой только призракъ или несбыточная мечта, которымъ въ жизни ничто не соотвѣтствуетъ. Многое изъ васъ помнятъ, конечно, то время, когда вы жили по преимуществу однимъ только желаніемъ, одного только просили себѣ у Бога—это свободы отъ ирѣпостной зависимости. Вамъ казалось тогда, что вы никогда не доживете до того счастливаго дня, когда настанетъ исполненіе вашихъ желаній. И однако, вы дожили до этого дня, получили свободу,

а съ нею и новое счастье. Подобнымъ образомъ мы до-
ждались исполненія и многихъ другихъ нашихъ желаній,
которые прежде казались несбыточными. Такъ, значитъ,
наши желанія лучшаго не пусты, наши стремленія къ не-
му натуральны, и потому и бываютъ большею частію не
безуспѣшны. Если же мы не всегда бываемъ такими сча-
стливцами, какими быть хотѣлось бы если наши желанія
лучшаго, стремленія къ нему не всегда исполняются въ та-
комъ видѣ, въ какомъ бы хотѣлось намъ видѣть ихъ; то
не сами ли мы, большею частію, бываемъ въ томъ винов-
ны? Мы желаемъ счастья себѣ и другимъ, и для своихъ
благожеланій избираемъ первый день каждого наступающаго
года; но начинаемъ ли мы съ этого дня поступать такъ,
чтобы все, что мы ни предпримемъ, что ни сдѣлаемъ въ
теченіе новаго года, служило къ счастью нашему и нашихъ
ближнихъ? Хотѣлось бы убѣдиться въ этомъ, но убѣдиться
трудно.

Вглядитесь, братія, въ свою обыденную жизнь: вотъ
уже двѣнадцатый годъ истекаетъ съ того времени, какъ
вамъ дали свободу, какъ вы вышли на волю, освободились
отъ крѣпостной зависимости; каждый годъ съ чувствомъ
особаго умиленія вы встрѣчаете тотъ день, въ который
была объявлена вамъ свобода: но чѣмъ особеннымъ вы от-
личили свою жизнь отъ прежней, начиная съ этого дня?
Какъ воспользовались вы, въ теченіе минувшаго времени,
тѣми правами, какія даны вамъ вмѣстѣ съ свободою отъ
крѣпостной зависимости? Царь-Освободитель далъ вамъ волю
для того, чтобы вы, свободно располагая временемъ, увели-
чивали свое благосостояніе, приводили въ порядокъ свои
дѣла, устраивали свое хозяйство; такъ ли вы поступали, начи-
ная со дня освобожденія? Привыкли ли вы свободно, безъ
стороннихъ побужденій, а единственно въ виду блага сво-
его и другихъ, трудиться и нажитое трудомъ употреблять

съ пользою? или же вы трудились только въ виду крайней необходимости, чтобы добыть только кусокъ наступнаго хлѣба, не думая объ улучшениѣ своего благосостоянія? или же вы нажитое не легкимъ трудомъ и въ теченіе долгаго времени, неразумно тратили въ одинъ лишь день, при одномъ какомъ нибудь случаѣ? Царь-Освободитель далъ волю вамъ еще для того, чтобы вы, пользуясь свободнымъ отъ трудовъ временемъ, употребляли его на образованіе своего ума и сердца, посвящали его полезнымъ бесѣдамъ, и чрезъ это дѣлались честными и разумными сынами отечества; такъ ли вы поступали со временемъ освобожденія? Научились ли вы дорожить временемъ и употреблять его съ пользою для себя и другихъ, или же доставшійся вамъ излишекъ времени вы употребляли на неприличныя и вредныя увеселенія и забавы? Если вы такъ пользовались дарованными вамъ правами, то могли ли вы разсчитывать, чтобы ваши желанія счастья себѣ и другимъ когда нибудь исполнились? Для благополучія нашего и нашихъ ближнихъ нуженъ трудъ постоянный и усердный, нужна хозяйствская предусмотрительность и распорядительность, нужно благоразумное распоряженіе временемъ. Безъ этихъ условій трудно быть счастливымъ въ настоящей жизни.

Вмѣстѣ съ освобожденіемъ васъ отъ крѣпостной зависимости, Царь-Освободитель далъ вамъ право самоуправленія въ вашихъ волостныхъ судахъ, съ тѣмъ, чтобы вы, избирая въ этотъ судъ честныхъ, умныхъ и распорядительныхъ людей, приводили чрезъ нихъ въ лучшій видъ свое общественное хозяйство, открывали учрежденія полезныя обществу, строили и заводили школы, заботились о порядкѣ въ отправленіи своихъ общественныхъ обязанностей и т. под. Какъ же вы отнеслись и къ этому дорогому праву, вамъ дарованному? Дѣйствительно ли во главѣ своего управлѣнія вы имѣете теперь людей умныхъ и распорядитель-

ныхъ, благоустроющихъ ваше общественное благо? или же, по прежнему, продолжаютъ заправлять вами люди неумѣлые, не призванные къ общественной распорядительности, и только выдающіеся своею изворотливостію, своимъ умѣніемъ прикрывать предъ начальствомъ общественные пороки, неисполненіе обществомъ возлагаемаго на него долга? Если же вамъ и удается поставить во главѣ своего управлѣнія людей старательныхъ и распорядительныхъ, то считаете ли своимъ долгомъ помогать имъ своими совѣтами, своимъ аккуратнымъ выполненіемъ возлагаемыхъ на васъ порученій? или же вы тяготитесь ихъ внимательностію и стараетесь отѣлаться отъ нихъ при первомъ удобномъ случаѣ? Если вы не извлекаёте выгодъ изъ дарованного вамъ права самоуправленія, если и при немъ ваше общественное хозяйство, ваше общественное благосостояніе находится въ дурномъ состояніи, то виноваты въ этомъ прежде всего вы же сами. Вамъ дали право самоуправленія, на васъ самихъ возложили думу и о себѣ и своемъ благѣ-въ надеждѣ, что вы окажетесь истинно заботящимися о своей участі;—и кто виноватъ, если вы не такъ счастливы, какъ хотѣли бы?

Спустя нѣсколько времени послѣ дарованія вамъ права самоуправленія въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, Царь-Освободитель, дабы побудить васъ принимать участіе и въ дѣлахъ общественныхъ, призывалъ васъ къ обсужденію дѣлъ, касающихся цѣлыхъ уѣздовъ и всей губерніи. Наравнѣ съ другими, образованными сословіями вы призваны судить и рядить, чрезъ своихъ выборныхъ гласныхъ въ земскихъ учрежденіяхъ, о нуждахъ и пользахъ всей губерніи, о способахъ и средствахъ улучшенія ея общественного хозяйства, ея общественнаго благосостоянія. Какъ же вы отнеслись къ этому новому праву, дарованному вамъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ? Съумѣли ли вы надлежащимъ образомъ оцѣнить его важность и значеніе? научились ли,

по получениі его, дорожить общественнымъ благомъ и ставить его выше своихъ частныхъ выгода? воспитали ли въ себѣ должное уваженіе къ отправленію общественныхъ обязанностей? или вы по прежнему продолжаете смотрѣть на общественную службу, какъ на средство къ извлеченію своихъ частныхъ выгода, какъ на излишнее бремя, только отягощающее васъ? Если вы и теперь такъ смотрите на отправленіе общественныхъ обязанностей, на васъ возлагаемыхъ, на заботы объ общественномъ благосостояніи, то трудно и даже не возможно будетъ достигнуть вамъ улучшенія какъ своего частнаго благоустройства, такъ и благоустройства общественнаго, вамъ также близкаго. Только совокупнымъ, ревностнымъ, честнымъ и безкорыстнымъ служеніемъ всѣхъ сословій и людей создается частное и общественное благоустройство.

Въ довершеніе этихъ и многихъ другихъ, дарованныхъ вамъ правъ, какъ напр. гласнаго судопроизводства, — о которыхъ наши отцы и дѣды не думали и не гадали, всемилостивѣйшій отецъ нашъ и благодѣтель, Царь-Освободитель, призываетъ васъ учиться и учить своихъ дѣтей грамотѣ, предоставляемъ послѣднимъ право поступать и въ высшія учебныя заведенія. Такое приглашеніе онъ дѣлаетъ для того, чтобы предоставить вамъ возможность пользоваться всѣми тѣми выгодами, которые даютъ вамъ новые права, такъ какъ только человѣкъ образованный можетъ вполнѣ оцѣнить важность и значеніе этихъ правъ и лучше съумѣеть воспользоваться всѣми ихъ выгодами. Какъ же вы отзовались на это заботливое приглашеніе правительства, какъ отнеслись къ нему? поспѣшили ли открыть и устроить школы въ своихъ селахъ? рѣшились ли воспитывать и образовывать въ нихъ своихъ дѣтей? положили ли на образованіе послѣднихъ жертвовать лишнія копѣйки? или вы по прежнему глядите на науку и грамоту какъ на излиш-

нюю роскошь, думая, что ваши дѣти и безъ нихъ съумѣютъ добыть себѣ хлѣбъ насущный? или и теперь думаете, что удѣлить на школу трудовую копѣйку-значитъ тоже, что бросить ее по напрасну, а думая такъ съ большимъ удовольствиемъ посматриваете на соблазнительныя заведенія, раскинутыя на вашихъ улицахъ, чѣмъ на убогое училище, съ трудомъ устроенное на собранные мѣдные гроши? Если, послѣ столькихъ заботъ и попечений о вашемъ благѣ, такія думы не перестаютъ занимать васъ, если вы во всемъ остаетесь такими, какими были прежде, то какъ же вы хотите, чтобы ваша жизнь шла счастливѣе и благополучнѣе? зачѣмъ желаете только новаго счастья себѣ и другимъ, и ничего не дѣлаете для достижениія этого счастья?

Такъ, возлюбленные братія, чтобы въ каждомъ вновь наступающемъ годѣ пользоваться новымъ счастьемъ, необходимо съ каждымъ новымъ годомъ быть и новымъ въ своихъ мысляхъ, желаніяхъ, стремленіяхъ и дѣлахъ, или, какъ выражается ап. Павелъ, непрестанно обновляться духомъ ума своего и облекаться въ новаго человека, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины (Ефес. 4, 23. 24. Колос. 3, 10); необходимо не только желать быть счастливымъ, но и стремиться къ исполненію желанія на дѣлѣ. Новое счастье требуетъ измѣненія устарѣвшихъ и отжившихъ мыслей, желаній и стремленій, не ведущихъ насъ ни къ чему новому и лучшему; безъ этого немыслимо и достиженіе новаго счастья, новаго благополучія.

Вы и всѣ мы, возлюбленные братія, считаемъ необходимостію первый день каждого вновь наступающаго года освящать благожеланіями новаго счастья; постараемся же этотъ самый день сдѣлать и днемъ измѣненія всѣхъ старыхъ думъ, желаній, стремленій, всѣхъ старыхъ порядковъ и обычаевъ нашей общественной и частной жизни,-словомъ всего того, что омрачаетъ нашу жизнь настоящую и что задерживаетъ

наши стремленија къ лучшему будущему, указываемому намъ течениемъ и измѣненiemъ времени. Пусть этотъ день служить для насъ днемъ нашего духовнаго возрожденія. Та молитва, которою мы станемъ скоро напутствовать начало новаго года, да послужить для насъ молитвою, вдохновляющею и возбуждающею насъ на новые подвиги духовнаго возрожденія Аминь.

C. M. C.

ТЯГОСТИ СВЯЩЕНСТВА.

Часто приходится слышать жалобы людей служащихъ на трудность ихъ службы, на зависимое положение, иногда на прихотливость разнаго рода требованій, не вытекающихъ изъ прямыхъ обязанностей службы, которые могутъ отяготить жизнь и немало затруднить зависимаго человѣка. Справедливость требуетъ сказать, что въ такого рода жалобахъ болѣе другихъ могли-бы принять участіе служаще алтарю. И у нихъ есть различныя тяготы жизни, которыхъ не знаютъ люди другихъ званій и состояній, между прочимъ, часто и такія, которые не обусловливаются самимъ саномъ священнослужителя, а возлагаются на нихъ произволомъ обычаевъ страны и старины. Особенно тяжело нести эти тяготы, особенно больно подчиняться инымъ требованіямъ цаства, когда эти требованія не имѣютъ въ основаніи ничего, кроме каприза, тщеславія, а иногда даже и невѣжества а между тѣмъ настойчиво предъявляются священнику къ исполненію. На такія мысли навело меня разъ одно по-гребеніе. Почтительный сынъ устроилъ торжественное по-гребеніе своего отца; приглашены были священники, многочисленные знакомые покойника, и длинный рядъ экипажей тянулся за гробомъ. Передъ днемъ погребенія, въ осеннее время, прошелъ сильный дождь, по дорогѣ была немалая грязь, до кладбища отъ церкви нѣсколько верстъ:

всѣ родныѣ и знакомыѣ, прошедши нѣсколько за гробомъ, сѣли въ экипажи и съ такимъ удобствомъ провожали покойника; а священники должны были идти по грязи, и никому изъ провожавшихъ не пришла мысль предложить имъ, хотя по очереди, экипажъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ погребенія, мнѣ привелось слышать разсказъ этого самаго почтительнаго сына-человѣка, нужно прибавить, образованаго-о томъ, какъ онъ священника, уже превлонныхъ лѣтъ, провожавшаго гробъ его отца вмѣстѣ съ нѣсколькими другими священниками, и вздумавшаго остановиться, чтобы сѣсть въ экипажъ и нѣсколько подъѣхать, принудилъ идти въ процессіи, напомнивъ ему не стѣсняясь, что его пригласили провожать гробъ, и за это будетъ дана ему плата, и потому онъ долженъ идти въ облаченіи до самой могилы. И судя по тону разсказа, господинъ этотъ былъ слишкомъ обиженъ такою вольностію священника. Какъ же? гробъ его отца вдругъ подвигался-бы впередъ, предшествуемый однимъ или двумя священниками меньше, чѣмъ это казалось приличнымъ для сына. Допустить такую вольность со стороны священника было бы оскорблениемъ чести отца, которому сынъ обязанъ воздать послѣдній долгъ съ подобающею торжественностью, и торжественность эта не должна же пропасть изъ-за того, что какому-то священнику, уставшему отъ движенія противъ вѣтра или отъ грязи, вздумалось присѣсть и подъѣхать, и притомъ въ то самое время, когда и все оплакивающее общество вхало спокойно въ крытыхъ экипажахъ, тщательно укутанное...

Каждому городскому жителю приходится видѣть похороны людей богатыхъ, знатныхъ; это-точно торжественный триумфъ смерти, влекущей за собою своихъ пленниковъ. Главными и видными людьми въ этомъ печальнѣомъ торжествѣ должны быть священники-и не одинъ, нѣтъ, это было-бы сочтено преступленіемъ противъ глубоко-чтимой

памяти отца, оставившаго богатое наследство, матери, любившей, по своему, церковное благолѣпіе,-а сколько позволяя средства-и четыре, и шесть, и болѣе.. Но знаютъ ли, принимаютъ-ли въ соображеніе духовные пастыри, что собираетъ этотъ священный сонмъ не столько желаніе усилить молитву объ усопшемъ, сколько-это то и больно-желаніе придать погребенію ту торжественность, которой оно не имѣло-бы безъ этого лика священнослужителей? Да, священниковъ часто приглашаютъ на погребеніе только для того, чтобы придать ему болѣе торжественности и за это даютъ имъ извѣстную плату, смотря по мѣсту и сану ихъ. Будь на ихъ пути грязь, сбивай ихъ съ ногъ вѣтеръ, заноси мятель-они должны идти непремѣнно; иначе нарушится стройное шествіе, и торжественные похороны много потеряютъ въ своей картинности. »Тебѣ дадутъ плату-итакъ иди! Ты здѣсь нуженъ на твоемъ мѣстѣ, и для тебя нѣть экипажа, пока дойдешь до могилы, а тамъ-милости просимъ, садись, довеземъ«. Такъ думалъ вышеупомянутый мною почтительный сынъ, такъ думаютъ весьма многіе, и вотъ эта глубоко оскорбляющая мысль тяжело давить сердце и и унижаетъ священный санъ въ собственныхъ глазахъ носящаго его. Собираются священнослужители и окружаютъ гробъ своего архипастыря, своего сослужителя алтарю, или и вообще человѣка имъ извѣстнаго, памяти котораго воздать послѣдній долгъ побуждаетъ ихъ христіанская любовь-это дѣло другое; это плачъ братій, это братская, единодушная молитва о почившемъ. Но если священниковъ зовутъ ко гробу человѣка, вовсе имъ невѣдомаго, и извѣстнаго только по своему богатству или видному положенію въ свѣтѣ; то, значитъ, ихъ зовутъ пройти въ видѣ уврашенія впереди его гроба и польстить тицеславію богатой или знатной родни покойника,-такое приглашеніе-таягота жизни. Уже это одно безцеремонное приглашеніе обна-

руживаетъ присущее нашему обществу крайнее неуваженіе къ священному сану; ибо для тицеславныхъ видовъ хотятъ пользоваться незавиднымъ материальными положеніемъ священника и надеждою платы отозвать его отъ его священнаго мѣста-алтари и амвона-и поставить не на свое мѣсто-въ ряду прикрасъ погребального шествія, на улицахъ и площадяхъ города....

Такъ-то жизнь, которую пастыри Церкви призваны просвѣщать, очищать, возвышать, сама эта жизнь ставить ихъ въ фальшивое положеніе, не соотвѣтствующее ихъ высокому пастырскому служенію! И такимъ фальшивымъ положеніямъ въ жизни пастырей, поражающимъ своею несобразностью и ложью-и числа нѣтъ. Вотъ, напр., отъ гражданскаго начальства приходитъ требованіе въ иной уѣздный городъ, пораженный эпидемію, принять мѣры къ очищенію города отъ массъ нечистотъ, безпрепятственно накопишихъся годами; но вместо неотложнаго исполненія этого требованія, по требованію горожанъ, совершаются вокругъ города и по городу крестный ходъ и этимъ ограничиваются всѣ заботы о прекращенії эпидеміи. Справедливо возмущаются такимъ упорнымъ пренебреженіемъ къ соблюденію обязательныхъ для каждого гражданина условій общественной гигіены и такою одностороннею направленною религіозностью, - и всю вину сваливаютъ на духовенство, а не знаютъ, что оно было принуждено совершить крестный ходъ по настойчивому требованію беспечнаго въ своемъ невѣжествѣ общества, для котораго пока еще не существуетъ ни гигіены, ни другихъ условій разумной человѣческой, частной и общественной жизни. Вотъ и фальшь, тягота жизни! Приглашаютъ духовныхъ пастырей совершить молебствіе предъ открытиемъ разныхъ собраній, учрежденій и пр.; но приглашаютъ единственно потому, что »такъ принято«, что ихъ считаютъ необходимыми людьми тамъ, гдѣ должна быть со-

блъдена форма. Приглашаютъ ихъ къ обѣденному столу по окончаніи погребенія; но за ними же подглядываютъ, сколько ониѣ їдятъ, пьютъ, и потомъ съ злобною радостью сообщаютъ своимъ собесѣдникамъ, какъ на поминкахъ «попы жрали». И это дѣлаютъ люди образованные!... Ихъ съ такимъ обязательнымъ радушіемъ хозяинъ просить, напр., по освященіи дома, почтить его-остаться закусить, такъ усердно потчуяеть, поднося вино, упрашивая отвѣдать-и этотъ же самый, по видимому, очень почтенный человѣкъ, отошедши въ сторону, съ ироніею говорить ироичимъ гостямъ: «а хотѣлось подпоить попа, да не удалось-не поддался»¹⁾!

Факты эти взяты изъ жизни и приводятся здѣсь, конечно, не съ тѣмъ, чтобы усилить рознь, уже существующую издавна, между пастырями и паствою, чтобы отдалить, обособить пастырей отъ паствы, а съ тѣмъ, чтобы показать, какъ вообще незавидны отношенія паствы къ пастырямъ и въ слѣдствіе этого какого труда, энергии и живой дѣятельной любви требуетъ наше время отъ пастырей для устраненія такихъ ненормальныхъ жизненныхъ отношеній силою нравственнаго влиянія на свою, еще такъ мало развитую въ христіанскомъ смыслѣ паству. Къ сожалѣнію, иные изъ пастырей не только не стараются приблизиться, въ духѣ евангельской любви, къ своей паствѣ, но, напротивъ, и безсознательно, и сознательно поддерживаютъ свое нравственное разобщеніе съ нею. Одинъ мировой судья во время общаго разбирательства, возвысивъ голосъ, дѣлалъ внушеніе о равенствѣ всѣхъ предъ закономъ. Къ кому же относилось это публичное наставленіе?—къ священнику-благочинному, пастырю народа, свидѣтелю благодѣтельныхъ реформъ настоящаго царствованія, совершенныхъ въ духѣ Евангелія. Этотъ священникъ, увидѣвъ въ камерѣ судьи повѣреннаго-крестьянина, присланного противною стороною, съ спесью, свойственною гордому невѣжеству, оскорбился такимъ сопоставленіемъ. «Я благочинный... и мнѣ-ли говорить съ этимъ крестьяниномъ?»—и получилъ наставление отъ судьи. Роли перемѣнились.. Рознь живетъ и держится изволеніемъ самихъ пастырей, конечно нѣкоторыхъ, къ ихъ-же вреду.

Эти то фальшивыя положенія въ средѣ паствуы, а иногда, къ сожалѣнію, даже и между своими, присными по служению и званію, и составляютъ тѣ нравственныя тяготы жизни, которыхъ дѣлаютъ и безъ того тяжелую жизнь пастыря подъ-часъ трудно выносимо...

Служеніе духовнаго пастыря само по себѣ не легко и требуетъ отъ человѣка и духовнаго подвига, и тѣлеснаго напряженія, иногда въ значительной степени. Укажемъ хотѣбы на обрядъ погребенія. Это дѣло одно изъ наиболѣе тяжелыхъ, какія приходится совершать священнику въ своемъ приходѣ. Умираетъ прихожанинъ, — и сколько разнообразныхъ ощущеній приходится испытать священнику приглашаемому къ погребенію! Умираетъ, напр., называвшійся христіаниномъ, но невѣровавшій ни во что, и гробъ его окружаетъ такие-же невѣры, а все-таки зовутъ священника по-гребсти этого отчуждившагося отъ Церкви ея члена. И среди этихъ живыхъ мертвцевъ, среди этого тѣлнія и смерти, священникъ долженъ явиться съ молитвою вѣры, съ свидѣтельствомъ о вѣчной жизни въ словѣ Божіемъ. Какого проникновенія духомъ вѣры, какого духовнаго подвига въ правѣ отъ своего служителя ожидать св. Церковь, чтобы въ окружающую его смертную сѣнь безвѣрія изъ его молитвъ могъ проникнуть благодатный лучъ божественной жизни, и эти живые мертвцы услышали бы гласъ Сына Божія, и услышавши, ожили-бы для вѣры и небесныхъ упованій, и убоялись идти до конца путемъ своего умершаго сродника или друга!. Вотъ умираетъ человѣкъ нераскаянно развращенный, скряга, грабитель. И къ его гробу тоже зовутъ священника совершить христіанское погребеніе. Конечно, не трудно исполнить форму, »отправить« панихиду, »отпѣть« погребеніе. Но вознестъ усердную молитву о »прощеніи грѣховъ вольныхъ и невольныхъ«, оплакать отъ сердца вмѣстѣ съ Церковью эту несчастную жертву страстей испор-

ченной человѣческой природы, нерѣдко подавляющихъ въ насъ высокіе задатки духовной жизни и искажающихъ Божественный образъ въ человѣкѣ, дать почувствовать окружающимъ гробъ этого несчастнаго всю силу любви Божественной, охраняющей скользкій путь человѣческой жизни своею благодатною помощью, не ища которой человѣкъ, самый достойный, падаетъ и погибаетъ, возвѣсть сокрушенія сердца къ единому укрѣпляющему нашу немощь »Святому, Крѣпкому и Безсмертному Богу«, -чего именно ожидаетъ св. Церковь отъ своего служителя тамъ, гдѣ »грѣхъ пріумножился« и сокрушаетъ отчаяніемъ слабый духъ человѣческій - исполненіе всего этого требуетъ отъ священника не только умѣнья, а и готовности »всѣмъ быть вся«, что достигается при помощи нелегкаго нравственнаго снисхожденія, по образу Спасителя, въ эту страдающую и томящуюся подъ игомъ грѣха и страстей слабую человѣческую среду современныхъ »мытарей и грѣшниковъ«. Но я беру крайности.. Умираетъ добрый христіанинъ; онъ оставляеть по себѣ память добрыхъ дѣлъ и свѣтлой, честной, трудовой жизни; но, кроме доброго имени, не оставляетъ своей семьи ничего. Оплакивая его смерть, семья оплакиваestъ не только свою невознаградимую потерю, но и свое без помощное сиротство. »Съ чѣмъ ты оставляешь меня и дѣтей?« плачетъ бѣдная жена, »помогалъ другимъ,-кто, кто поможетъ твоимъ сиротамъ?« Это уже не простыя, обычныя причитанія: это какъ-бы упрекъ сокрушенной горемъ души, упрекъ покойнику за нестяжательность, честность, состраданіе, за тѣ св. добродѣтели, которымъ онъ служилъ, которыя хранилъ и возвращалъ, по духу Божественнаго закона,-и не посягнулъ на добро ближняго, не покривилъ душою, не обманулъ, не лихомѣстовалъ, и остался до смерти честнымъ бѣднякомъ. Отъ этихъ горькихъ словъ недалеко до ропотнаго чувства: »уповаль на Бога, жиль для добра, и вотъ мы те-

перь нищіе, безпомощные!.. И въ этомъ положеніи всего легче для священника прийти, »отслужить, отпѣть«, сказать нѣсколько общихъ усиоконительныхъ фразъ въ родѣ: »что же дѣлать? такъ Богу угодно! Богъ милостивъ, свѣтъ не безъ добрыхъ людей«.. и, получивъ плату, уйти, оставивъ бѣдныхъ своей бѣдности и горю. И дѣйствительно, такъ сдѣлаетъ »наемникъ«, но истинному пастырю не легко слышать эти ненапускныя рыданія бѣдности и горя. Онъ самъ человѣкъ, и его человѣческое сердце невольно сжимается предъ видомъ смерти; ему и самому, какъ и всякому, нужна высшая помощь-побѣдить невольный страхъ охватывающей душу каждый разъ, когда живѣ представляемъся этотъ неизбѣжный моментъ въ его собственномъ человѣческомъ бытіи-смерть. Смерть-зло сама по себѣ, безотносительно къ условіямъ жизни оставшихся въ живыхъ, зло даже и тогда, когда живые оплакиваютъ смерть покойного, какъ дорогого существа, но, чувствуя всю незамѣнную утрату, все-же могутъ оставаться покойными относительно условій своей дальнѣйшей жизни. Но смерть-зло въ высшей мѣрѣ и зло это тяжелѣе перенестъ слабой человѣческой природѣ, когда оно поражаетъ человѣка, съ жизнью которого тѣсно связаны условія существованія всей его семьи, когда семья эта остается безпомощною жертвою нужды и бѣдности. И вотъ священникъ встрѣчается лицемъ къ лицу съ этимъ зломъ, вырывающимъ изъ разбитаго горемъ сердца ропотъ малодушія и какъ-бы упрека покойнику, онъ является въ этой человеческой смятенной средѣ, какъ единственный представитель тѣхъ высокихъ нравственныхъ началъ любви, милости, правды, которымъ, забывая себя, служилъ покойный. Нужно-ли говорить, что его священная обязанность отстоять эти святые начала нравственной жизни и дѣятельности въ этой малодушествующей средѣ и показать ей, что не только »память правед-

наго въ благословеніи», но и »съмъ его не будетъ оставлено, не будетъ просить хлѣба? И счастливъ онъ, если образы смерти, такъ часто видимые имъ, не притупили его духовнаго воспріятія, и онъ, возвышаемый и животворимъ вѣрою, способенъ и другимъ скорбящимъ и сокрушеннымъ сердцамъ предлагать нескудное утѣшеніе вѣры и христіанскаго упованія. Но еще счастливѣе, если, стоя у гроба умершаго кормильца семьи, онъ заблаговременно, такъ сказать, приготовился утишить подымавшійся изъ души вопль унынія и малодушія, столь естественный бѣдному человѣку, — утишить дѣлами той же не умирающей любви и милости, которымъ служилъ покойный, если онъ въ состояніи съ дѣлами милости духовной, съ утѣшеніемъ и молитвою, соединить и вещественную помощь бѣдствующей семьи, если, опираясь на своихъ знакомыхъ и особенно на церковное попечительство своего прихода, онъ можетъ утѣшить опечалѣнныхъ смертію отца, мужа, брата, надеждою на участіе въ ихъ положеніи добрыхъ людей и готовностью всей общинѣ, въ лицѣ членовъ попечительства, призрѣть сиротъ, дать имъ пріютъ и воспитаніе, а взрослымъ трудъ въ жизни и, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ возможность совладать съ нуждою и не пасть духомъ отъ унынія... Тутъ то, у гроба бѣдняка, вообще въ виду бѣдности и нужды, обнаруживается въ священникѣ истинный »пастырь добрый« и отецъ, но тутъ-же объявляется и »наемникъ«... И чтобы выдержать это не легкое испытаніе жизни, чтобы быть готовымъ встрѣтить всякое горе, нужно добромъ пастырю много вложить души въ свою дѣятельность по приходу, нужно съумѣть возбудить въ своемъ приходѣ общее участіе ко всякому несчастному, ко всякому горю и бѣдствію, а для этого нужно сплотить разрозненные добрыя силы въ одну общую-церковнаго братства. Трудъ не легкій; но сдѣлавъ это, добрый пастырь, вооруженный братскою

любовью, смило станетъ предъ всиимъ горемъ, подавляющимъ слабый духъ человѣка, какъ вѣрный служитель и достойный свидѣтель истины и жизненности святыхъ заповѣдей любви и милости, внесенныхъ въ жизнь человѣческую Спасителемъ міра на счастіе и благо человѣчества, и предъ силою этого живаго свидѣтельства смирится ропотъ унынія, ободрится малодушіе, обновится надежда, укрѣпится вѣра, и частное горе, встрѣченное общимъ участіемъ, не можетъ сокрушить духъ человѣка... Тогда и нравственная тягота присутствія у гроба бѣдника для такого достойнаго пастыря будетъ на половину облегчена общею любовью всего церковнаго братства, и онъ не будетъ предстоять здѣсь, какъ только требосовершитель, не будетъ безмолвнымъ зрителемъ чужаго горя и не поспѣшить удалиться изъ дома несчастія, не проливъ изъ глубины своего любящаго сердца духовнаго утѣшения въ пораженные скорбю сердца.

Таковы тѣ нравственные тяготы, которыя почти каждый священникъ испытываетъ въ большей или меньшей степени при совершеніи погребенія. Онъ неизбѣжны въ пастырскомъ служеніи и избавиться отъ нихъ можно, только подавивъ въ душѣ все человѣческое, закрывъ сердце для всякаго чувства состраданія и участія.

ОТВѢТЪ

на журнальную статью: »Наше духовенство и церковные суммы«.

Никто не спорить и не будетъ спорить въ томъ, что положеніе православнаго духовенства въ нашемъ отечествѣ еще далеко не окончательно устроилось. По этому мы нисколько не удивляемся, что вопросъ объ устройствѣ положенія

женія нашего духовенства до сихъ поръ озабочиваетъ вѣ-
которыхъ нашихъ публицистовъ, и въ разныхъ періоди-
ческихъ изданіяхъ нашей печати появляются различные по
этому предмету проекты. И мы нисколько не возмущаемся,
если намъ замѣчаютъ, что у насъ то-то и то-то лишнее,
а того-то и того-то не достаетъ; напротивъ, мы даже бла-
годарны за каждую новую дѣльную мысль, за каждый но-
вый благонамѣренный взглядъ относительно устройства на-
шего положенія. Одного только мы желаемъ отъ всѣхъ суж-
деній о насъ, желаемъ именно, чтобы въ нихъ наше на-
стоящее положеніе было принимаемо такъ, каково оно въ
дѣйствительности, а не таѣ, какъ оно представляется
тому или другому писателю; въ послѣднемъ случаѣ самые
видные, самые громкіе и многообѣщающіе проекты новаго
нашего положенія будутъ лишь одною игрою словъ, не
ведущею ни къ чѣму дѣльному и для насъ полезному.
Наглядное доказательство этому представляетъ, между
прочимъ, напечатанная въ № 26 журнала »Гражданинъ«
за 1872 годъ (страницы 262-266) громкая и многообѣщаю-
щая статья подъ заглавіемъ: »Наше духовенство и церков-
ные суммы«.

Г-нъ Д., составитель поименованной статьи, начина-
етъ ее замѣчаніемъ, что не смотря на всѣ произведенныя
до сихъ поръ реформы въ духовномъ вѣдомствѣ, »въ жизни
нашей церкви и духовенства остается еще многое, что тре-
буетъ непремѣнно реформы«. Замѣчаніе вполнѣ справедливое,
и мы съ нетерпѣніемъ ждемъ отъ г-на Д. указанія на то,
что именно въ жизни нашей церкви и нашего духовенства
требуетъ непремѣнно вторичной реформы. Прислушаемся же
новнимательнѣе къ сужденіямъ г. Д. »Доходы духовенства,
говорить онъ, стоять въ тѣснѣйшей связи съ доходностію
церкви каждого прихода. Духовенство какъ бы не отдѣляетъ
себя и своего содержанія отъ церкви и расходовъ на ея

собственное содержание». Что это значит? Что хотѣль сказать этимъ г. Д? Не то ли, что причты нашихъ церквей для своего содержанія берутъ изъ церковныхъ суммъ столько, сколько могутъ взять за удовлетвореніемъ нуждъ собственно церковныхъ? Но говорить такъ, не значитъ ли обвинять все наше духовенство въ тяжкомъ преступленіи, называемомъ святотатствомъ? Самъ г. Д., выразившись такъ о духовенствѣ, сейчасъ же почувствовалъ, что зашолъ слишкомъ далеко, и принялъ выбиваться на открытый путь. »Всѣ земли и угодья«, продолжаетъ жаловаться онъ, »а равно зданія, принадлежащія церквамъ, на самомъ дѣлѣ состоять въ пользованіи мѣстныхъ причтовъ духовенства... Но что всего болѣе своеобразно и характерно, это назначеніе церковныхъ суммъ въ пользу учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства... Духовное сословіе весьма далеко отъ сознанія очевидной ненормальности такого содержанія своего на счетъ церкви, которая должна быть признаваема за отдельное и самостоятельное учрежденіе, управляемое прежде всего самостоятельною церковною общиной изъ мѣстныхъ прихожанъ«. Такова сущность разсужденій г. Д., которая онъ поставляетъ въ основу своего проекта, съ которымъ мы познакомимся ниже.

Прочное ли основаніе? спросимъ мы всего прежде. Можна ли на немъ построить что нибудь полезное и пригодное для духовенства? Да будетъ известно г. Д. и всемъ тѣмъ, кого онъ вводить въ заблужденіе, что церковные земли существуютъ именно для обеспеченія служащаго при церквяхъ духовенства и употребляются согласно съ своимъ назначениемъ; что духовенство дѣйствительно пользуется лишь такими церковными зданіями, которые на то и построены, чтобы въ нихъ помѣщалось духовенство; что духовно-учебные заведенія содержатся не церковными суммами, а свѣчными, которая закономъ изъяты изъ собственности церков-

ной; что духовенству не съ чего сознавать ненормальность своего содержания, боль-скоро оно пользуется лишь тѣмъ, что назначено въ его пользованіе, и не захватываетъ ничего чужаго. А что всего болѣе своеобразно и характерно, такъ это признаніе г-номъ Д. приходской церкви отдѣльнымъ и самостоятельнымъ учрежденіемъ, управляемымъ въ отношеніи къ материальнымъ средствамъ исключительно прихожанами. Этотъ пунктъ заслуживаетъ особенного вниманія, и мы остановимся на немъ нѣсколько болѣе.

Г-нъ Д. хочетъ сдѣлать христіансскую церковь учрежденіемъ чисто экономическимъ, мѣстомъ денежныхъ вкладовъ, которыхъ употребленіемъ и должны распоряжаться лишь сами вкладчики-прихожане. Считая церковь въ этомъ отношеніи учрежденіемъ отдѣльнымъ и самостоятельнымъ, онъ оставляетъ въ ней лишь однѣ голыя стѣны; а отстраняя отъ ея дѣлъ всякое участіе со стороны духовенства, онъ превращаетъ церковную общину въ стадо безсловесныхъ, не имѣющее пастыря, или, вѣрнѣе, пасущее своихъ пастырей. Да это вовсе не церковь, а что-то такое, чему мы не умѣемъ придумать точнаго названія. Это даже не ассоціація, которая состоить изъ членовъ, принимающихъ въ ней участіе, и имѣть свое управление. Церковь г-на Д. заключаетъ въ себѣ существенный и вмѣстѣ съ тѣмъ не дѣйствующій, лишній элементъ-духовенство. Это-церковь безъ служителей, община безъ руководителей, тѣло безъ головы, храмъ безъ святыни. Дѣйствительная христіанская церковь въ дѣйствительности есть Божественное учрежденіе, въ которомъ нѣтъ и не можетъ быть лишнихъ, недѣйствующихъ элементовъ. Церковная община есть совокупность прихожанъ съ своимъ священникомъ во главѣ: по этому и церковь въ своемъ истинномъ значеніи есть общество вѣрующихъ; а видимый храмъ служитъ мѣстомъ собранія этого общества, которое соединенными силами преслѣдуетъ цѣли

шовыше какихъ нибудь денежныхъ вкладовъ. Каждая приходская церковь, или церковная община со священикомъ во главѣ должна иметь и действительно иметь въ известныхъ границахъ свою самостоятельность, но совершенно отдельно существовать не можетъ. Всѣ церковные общины потому могутъ входить въ составъ церкви христіанской, поколику онъ соединены между собою любовью и единомыслиемъ: поэтому всѣ приходскія или частныя церкви потому могутъ быть действительными церквами христіанскими, поколику централизуются въ Церкви вселенской. Такимъ образомъ изъ всѣхъ приходскихъ или частныхъ церквей и изъ всѣхъ приходскихъ общинъ образуется одна Церковь и одна приходская община, которая, говоря образно, есть одно живое тѣло, имѣющее единаго Главу-Іисуса Христа и оживляемое единымъ Духомъ Святымъ. А церковь г-на Д. есть его собственное произведеніе,-и произведеніе, сказать правду, не совсѣмъ толковое; она нисколько не похожа на действительную Церковь христіанскую.

Далѣе. Начиная съ 1808 года, когда по проекту известнаго графа Сперанскаго, стала отбираться съ церквей имперіи свѣчнай сумма на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, г-нъ Д. послѣдовательно описываетъ всѣ видоизмененія источниковъ ихъ содержанія. Такъ, онъ особенно отмѣчаетъ 1871-й годъ, когда состоялось опредѣленіе замѣнить высылку свѣчной суммы почти повсемѣстнымъ 21% сборомъ съ общей суммы всѣхъ церковныхъ доходовъ; онъ упоминаетъ о свѣчныхъ епархиальныхъ заводахъ, гдѣ духовенство вынуждено заниматься коммерческимъ дѣломъ, ему чесвойственнымъ; указываетъ на обложение всѣхъ приходскихъ церквей въ предѣлахъ известной епархіи соотвѣтственнымъ дополнительнымъ сборомъ на нужды мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній и т. п. Весь свой обзоръ различного употребленія церковныхъ суммъ на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній г-нъ Д. заканчиваетъ слѣдующимъ заключеніемъ: »Во всякомъ случаѣ нельзя при-

знатъ справедливымъ, чтобы духовенству могло бесспорно принадлежать право самостоятельно распоряжаться денежными суммами, принадлежащими обществу благотворителей-прихожанъ, которые одни, какъ жертвователи въ пользу церкви, имѣютъ бесспорное право употреблять деньги своей церкви на ея собственныхъ надобности». Это-то собственно заключеніе г-на Д. и занимаетъ насъ всего болѣе. На него-то собственно мы и хотимъ отвѣтить г. Д. по силѣ нашего разумѣнія дѣла. Многое мы можемъ сказать въ отвѣтъ г. Д., но изъ многаго избираемъ слѣдующее:

1) Церковная экономія завѣдуется въ нашемъ отечествѣ не однимъ служащимъ духовенствомъ, а совмѣстно съ церковною общиной. А какъ всѣмъ членамъ церковной общины невозможно же лично завѣдывать этимъ дѣломъ, то она избираетъ изъ среды себя довѣренное лицо-церковного старосту, который, въ качествѣ представителя церковной общины, и завѣдуетъ, совмѣстно съ церковнымъ причтомъ, всею церковною экономіею. Нормальнѣе этого и ничего быть не можетъ. На дѣлѣ происходитъ точно такъ, какъ желательно и г-ну Д., т. е. чтобы духовенство не распоряжалось церковными деньгами самостоятельно; вся разность между действительностію и требованіемъ г-на Д. вышла изъ того, что г-нъ Д., вѣроятно, забылъ о существованіи старостъ при каждой приходской церкви; имѣя же представителемъ своимъ при церковной экономіи церковного старосту, прихожане уже потому самому не имѣютъ права на завѣдываніе церковными суммами. Церковные каноны вовсе даже отстраняютъ мірянъ отъ распоряженія церковнымъ имуществомъ, чтобы имущество церкви оградить отъ употребленія, недостойнаго церкви, какъ это видно изъ толкова-нія къ 25 правилу антіохійскаго собора.

2) Управление приходскими и вообще частными церквами,-управление всестороннее, обнимающее въ себѣ всѣ

стороны жизни и дѣятельности той или другой церкви, со-редоточивается у насъ въ высшей церковной власти-епи-скопской. Епископу принадлежитъ безспорное право распо-ряжаться имуществомъ всѣхъ церквей въ предѣлахъ его епархіи, и распоряжаться самостоительно; управлениe же и распоряженіе имуществомъ церквей всей имперіи у насъ принадлежитъ святѣйшему синоду. Это право принадлежитъ высшимъ церковнымъ властямъ на основаніи церковныхъ каноновъ, которыми христіанская церковь управляется точно также, какъ гражданское общество управляется граждански-ми законами. Въ 38 правилѣ св. апостоловъ сказано: »да управляетъ епископъ властельски церковное имѣніе«. А 41 правило »повелѣваетъ епископомъ обладати церковнымъ имѣ-ніемъ, аще бо честныя человѣческія души поручены суть имъ, кольми паче имѣніе поручити имъ подобаетъ«. Въ 25 правилѣ антіохійскаго помѣстнаго собора сказано: »епи-скопъ господинъ есть церковному имѣнію«: здѣсь разумѣет-ся »и богатство, еже сходится въ епископію отъ приходовъ церковныхъ«. А чтобы и въ высшей инстанціи не измѣнить принципу совмѣстности духовенства и церковной общины по управлению церковнымъ имуществомъ, высшая церковная власть приступаетъ къ важнѣйшимъ измѣненіямъ по употребленію церковныхъ суммъ не иначе, какъ съ соиз-воленія Высочайшей вести, которая служить здѣсь предста-вительницею всѣхъ церковныхъ общинъ въ имперіи. На-значеніе свѣтыхъ суммъ въ 1808 году на содержаніе ду-ховно-учебныхъ заведеній и замѣна ихъ въ 1871 году опре-дѣленнымъ процентнымъ сборомъ съ церковныхъ доходовъ были утверждены Государемъ Императоромъ и получили си-лу гражданскаго закона и, слѣд., силу сираведливости. Что можетъ быть нормальнѣе такого совмѣстнаго распоряженія церковными суммами между духовенствомъ и церковною об-щиною? Разность между дѣйствительностю и жалобами г-на

Д. происходить лишь оттого, что г-нъ Д. мало знакомъ съ церковными канонами, да, пожалуй, и съ гражданскими отечественными законами.

3) Г-нъ Д. не болѣе справедливъ и тогда, когда утверждаетъ, что благотворители приходскихъ церквей, и только они одни имѣютъ безспорное право распоряжаться церковнымъ имуществомъ, составившимся изъ ихъ пожертвованія. Вы подали нищему кусокъ хлѣба: имѣете ли вы послѣ этого право не только распоряжаться этимъ кускомъ, но и требовать отъ нищаго отчета, куда онъ дѣвалъ этотъ кусокъ, — самъ ли съѣлъ его, или передалъ его другому, болѣе голодному нищему? Вы опустили 1 рубль въ кружку сборщика на церковь, отстоящую въ 1000 верстахъ отъ мѣста вашего жительства: имѣете ли вы право, и не только право, но и возможность слѣдить за тѣмъ, на какой предметъ будетъ употреблено ваше пожертвованіе? Вы сдѣлали значительный вкладъ въ пользу дѣтскаго пріюта; однако на этомъ основаніи вы не изъявите претензіи быть членомъ совѣта этого заведенія, чтобы участвовать въ распоряженіи пожертвованными суммами. Въ наши извѣстнѣйши монастыри миллионы благотворителей вкладываютъ свои жертвы, и не одинъ изъ нихъ не признаетъ, однако, за собою права распоряжаться монастырскою казною. Принадлежащая намъ всиць перестаетъ быть нашей собственностью, коль-скоро мы отдали ее другому; и полнымъ и безспорнымъ владельцемъ я становится уже тотъ, кому мы ее отдали или подарили. Итакъ, на какомъ же основаніи г. Д. требуетъ, чтобы право распоряжаться церковными суммами исключительно принадлежало жертвователямъ-прихожанамъ? Основанія для этого мы никакого не видимъ: жертвуя въ пользу церкви деньги, жертвователи тѣмъ самыми отказываются отъ своихъ правъ на нихъ и передаютъ право распоряжаться ими приходскому причту и церковному старостѣ.

4) Г-нъ Д. признавая за прихожанами, какъ жертвователями, исключительное право распоряжаться церковными суммами, простираетъ это ихъ право и на сумму свѣчную, признавая и ее приходскимъ пожертвованіемъ. Но какимъ образомъ свѣчная сумма можетъ относиться къ числу приходскихъ пожертвованій, этого мы никакъ не объяснимъ себѣ. Я отнюдь не благотворитель хлѣбному торговцу и ничего ему не жертвую, ежели отдаю ему 1 рубль и получаю отъ него пудъ муки. И прихожанинъ не есть жертвователь въ пользу церкви, если онъ отдаетъ церковному старостѣ одну копѣйку и получаетъ отъ него однокопѣечную свѣчку. Какъ же не замѣчаетъ этого, или точнѣе по своему понимаетъ это г. Д.?

5) Г-нъ Д. понимаетъ интересы христіанской церкви слишкомъ утилитарно. Замыкая въ самой церкви всѣ ея доходы прямые (кружечный и кошельковый) и побочные (свѣчной), онъ хлопочетъ о томъ, чтобы всѣ церковные суммы были употребляемы лишь въ пользу церкви. Что же это за странное учрежденіе—церковь г-на Д., тратящая или берегущая свои сокровища лишь для одной себя, не давая никому ничего? Вовсе не такова наша дѣйствительная христіанская Церковь. Ея интересы не столько вещественные, сколько нравственные; да и она сама есть учрежденіе чисто нравственное, для котораго вещественные интересы существуютъ только какъ средства къ расширенію, возвышенію и умноженію интересовъ высшихъ, духовныхъ. Она стремится распространить свѣтъ христіанской истины чрезъ своихъ непосредственныхъ служителей на всю свою общину; а чтобы достигнуть этого, старается просвѣтить прежде всего своихъ служителей, и для этого открываетъ свою вещественную сокровищницу. Мало того, она старается обезпечить и весь житейскій бытъ своихъ служителей, чтобы они, свободные отъ заботъ житейскихъ, могли всецѣло посвятить

всѣ свои дарованія и силы на духовную пользу вѣренной имъ церковной общины. Такимъ образомъ церковь христіанская, принимая отъ своей общины вещественные дары, отнюдь не удерживаетъ ихъ у себя непроизводительно, а употребляя эти дары на приготовленіе достойныхъ пастырей и на обеспеченіе ихъ житейского быта, черезъ послѣднихъ съ избыткомъ воздаетъ своей общинѣ сокровищами духовными. Такой образъ дѣйствій христіанской Церкви относительно ея преимущественной заботы о своихъ служителяхъ есть строго преемственный отъ самого Иисуса Христа и Его св. апостоловъ. Еще въ ветхомъ завѣтѣ Богъ опредѣлилъ, чтобы *священно-дѣйствующіе питались отъ святынища.* Господь Иисусъ Христосъ повелѣлъ проповѣдующимъ Евангелие жить отъ благовѣстованія. Св. апостолъ Павель таѣтъ говорить своимъ духовнымъ чадамъ: *если мы послали въ васъ духовное, велико ли то, если пожнемъ у васъ тѣлесное* (1 Кор. 9, 11. 13. 14.)? Г-нъ Д., взявшись судить о Церкви христіанской, долженъ бы судить о ней согласно съ ученіемъ священныхъ ея авторитетовъ.

6) Г-нъ Д., имѣя въ виду лишь приличное содержаніе церквей, на которое по его мнѣнію и должны быть употребляемы всѣ церковные доходы, превращаетъ христіанскую Церковь въ какое-то бездушное учрежденіе. Никто не спорить въ томъ, что виѣшняя сторона Церкви должна быть достойна внутренняго значенія и что Церковь, поэому, должна имѣть приличное содержаніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы никакъ не можемъ согласиться съ г-номъ Д. въ томъ, будто всѣ церковные доходы должны быть затрачиваемы исключительно на виѣшнюю обстановку Церкви. Дѣйствительная христіанская Церковь нуждается не столько въ вещественномъ украшеніи, сколько въ украшеніи духовномъ; одно должно соотвѣтствовать другому. Былъ бы очень поразительный контрастъ, если бы въ великолѣпный храмъ, сіяющій золотомъ и се-

ребромъ, входилъ для совершения службы священникъ, покрытый рушиемъ, самымъ виѣшнимъ своимъ видомъ напоминающій о крайней своей бѣдности. Далѣе: блескъ богатой церкви не просвѣтить души темныхъ людей, ежели глава церковной общины-священникъ, по своей необразованности, раздѣляетъ суевѣрія и иороки своихъ прихожанъ. Такимъ образомъ существенные интересы Церкви, о которыхъ такъ много хлопочетъ и которые такъ мало знаетъ г-нъ Д., непремѣнно требуютъ, чтобы казна ея была употребляема сколько на ея виѣшнее благолѣпіе, столько же, если небольше, на приготовленіе для нея достойныхъ пастырей и на обеспеченіе ихъ въ материальныхъ нуждахъ.

7) Дѣйствительная христіанская Церковь не есть такое, такъ сказать, эгоистическое учрежденіе, чтобы ея имущество было употребляемо только въ ея себестоимую пользу. Въ силу всеобъемлющей любви своей, христіанская Церковь всегда спѣшитъ на помощь дѣйствительнымъ нуждамъ общества. И обложеніе всѣхъ частныхъ церквей денежными взносами на нравственные нужды нашего христіанского отечества, съ централизацией назначенія этихъ суммъ въ каждой епархіи и еще въ св. синодѣ,- вполнѣ соответствуетъ идеалу христіанской Церкви: такъ, а не иначе должно быть въ церкви и по церковнымъ канонамъ¹⁾). Естественно, что благотворенія изъ имущества церковного должны быть направлены прежде всего на нравственные и материальные нужды духовенства, и потомъ уже на всю христіанскую братію. Въ толкованіи на 59 правило св. апостоловъ сказано: «Церковное богатство убогихъ - богатство святое писаніе именуетъ, и подобаетъ раздавать убогимъ; аще бо инѣмъ требующимъ раздавать церковніи властели (т. е. епископы) должны суть, колми паче сущія подъ ними причетники миловать и даяти имъ потребная должны суть». Въ на-

¹⁾ См. 41 прав. св. Апостолъ и 25 прав. антіох. соб.

шай отечественой церкви имущество церковное употребляется въ точности согласно съ священными канонами: на счетъ его содержатся духовно-учебная заведенія; изъ него даются воспоможенія сиримъ и бѣднымъ духовнаго званія; имъ распространяется христіанство среди язычества, поддерживается православіе, тѣсніе неправославіемъ, поддерживается христіанство за предѣлами нашего отечества, тѣсніе иновѣріемъ и т. п. И не измѣнить г-ну Д. вѣковыхъ и непогрѣшимыхъ порядковъ нашей христіанской церкви! (Мате. 16, 18.)

8) Совершенное отстраненіе служащаго духовенства отъ завѣдыванія, даже совмѣстнаго съ прихожанами, имуществомъ той церкви, при которой оно служить, чего желаетъ г-нъ Д., было бы дѣломъ совершенно несправедливымъ и даже неестественнымъ. Это значило бы интересы церкви сдѣлать совершенно чуждыми для тѣхъ, которые именно имъ служатъ. Вѣдь только тогда ставятся въ церкви свѣчи въ иконамъ и только тогда предлагается церковная кружка и обносится кошелекъ для доброхотныхъ подаяній, когда духовенство совершаеть въ церкви священную службу и исправляетъ различныя христіанскія требы. Не отправляй духовенство въ церкви службъ,-и доходовъ церковныхъ не будетъ. Духовенство такимъ образомъ есть дѣйствительный пріобрѣтатель церковныхъ доходовъ, которые по справедливости могутъ называться его трудовыми доходами. А при такомъ отношеніи духовенства къ церковнымъ доходамъ, какъ вы можете отстранить первое отъ соответственной доли завѣдыванія послѣдними? какъ вы отнимете отъ духовенства право даже совѣщательного голоса относительно достойнаго церкви употребленія церковныхъ денегъ, которая пріобрѣтаются трудами духовенства? Кромѣ того, что права духовенства на завѣдываніе церковнымъ имуществомъ естественны, права эти безспорны и на основаніи церковныхъ каноновъ, какъ мы замѣчали выше.

Г-нъ Д., чувствуя, вѣроятно, всю парадоксальность своихъ мнѣній, дѣлаетъ отчаянныя усилія подтвердить ихъ чѣмъ либо положительнымъ; а въ виду того, что эти мнѣнія противорѣчатъ всѣмъ нашимъ отечественнымъ законамъ и всѣмъ церковнымъ канонамъ, подтвержденіе ихъ само собою отбивается отъ рукъ. Г-нъ Д. поступилъ въ этомъ случаѣ очень оригинально. Въ защиту своихъ мнѣній онъ ссылается на существующее »положеніе о приходскихъ попечительствахъ при православныхъ церквахъ«. Но эта-то ссылка и вышла всего менѣе удачною. Г-нъ Д. увѣряетъ, что »въ силу этого положенія право завѣдыванія церковными суммами, собираемыми отъ пожертвованій прихожанъ, принадлежитъ попечительству, организуемому изъ выборныхъ лицъ отъ общества прихожанъ«. А въ подлинномъ положеніи, »для попечительства, организуемаго изъ мѣстныхъ священнослужителей и изъ членовъ отъ прихожанъ (ст. 2), ближайшимъ источникомъ денежныхъ и вообще материальныхъ средствъ полагаются добровольные пожертвованія отъ прихожанъ и отъ постороннихъ (ст. 6)«, а отнюдь не церковные суммы. Такимъ образомъ неправильное пониманіе, чтобы че сказать-намѣренное искаженіе смысла »положенія о приходскихъ попечительствахъ« - вотъ что служитъ для г. Д. орудіемъ для подтвержденія его мыслей. Съ такимъ орудіемъ въ рукахъ едва ли можно сдѣлать что нибудь доброе!

Разобравши основанія, полагаемыя г. Д. во главѣ сужденій его о ненормальныхъ явленіяхъ въ жизни нашего духовенства, посмотримъ теперь, что придумываетъ нашъ авторъ для устраненія этихъ ненормальностей.

Сущность проекта г-на Д. заключаются въ слѣдующемъ.

1. »Духовно-учебныя заведенія должны ограничиться лишь специальнно-богословскими классами, а прочіе образовательные классы должны »образовать отдельныя прогимназіи и гимназіи и быть присоединенными къ вѣдомству министер-

ства народного просвѣщнія». »Бюджетъ этихъ заведеній долженъ быть всецѣло отнесенъ на средства казны, точно также, какъ содержатся на счетъ государственного казначейства учебныя заведенія всѣхъ прочихъ министерствъ«.

2. »Церковныя денъги, ставъ свободными, должны тратиться, по распоряженію мѣстныхъ приходскихъ общинъ (а все-таки безъ участія духовенства), на нужды самихъ церквей, ихъ причтовъ и, наконецъ, на воспитательныя и благотворительныя учрежденія въ районѣ каждого церковнаго прихода«.

Вотъ чего хочется г. Д., вотъ къ чему клонится всѣ его сужденія. Прикоснемся и къ этимъ желаніямъ г. Д.

Вопросъ объ ограниченіи духовно-учебныхъ заведеній одними специально-богословскими классами- вопросъ уже давнишній и рѣшенъ уже давно въ пользу ихъ прежняго положенія. Мы неходимъ въ изслѣдованіе о томъ, удовлетворительно, или неудовлетворительно онъ рѣшенъ; а замѣтимъ только, что если воспитанники, съ измала приготовляемые къ служенію Церкви, по полученіи достаточнаго образованія, толпами бѣгутъ изъ духовнаго вѣдомства, то что было бы съ нашою церковью, если бы пришлось призывать на службу ея воспитанниковъ изъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній?.. Теперь же, по недостатку подготовленныхъ къ священству воспитанниковъ, въ нѣкоторыхъ епархіяхъ въ священники производятся діаконы. Покуда не обеспечено быть православнаго духовенства, служба въ свѣтскихъ вѣдомствахъ всегда будетъ непобѣдимою соперницей для службы въ духовномъ вѣдомствѣ.

Вопросъ о предоставлениіи всѣхъ церковныхъ суммъ въ полное распоряженіе прихожанъ, безъ участія духовенства,- вопросъ, кажется, новенький; честь инициативы его принадлежитъ чуть ли не г-ну Д. Однако вообразимъ, что вопросъ этотъ рѣшенъ такъ, какъ желаетъ этого г. Д., и посмотримъ, къ чему приведеть это рѣшеніе. Всѣ церковныя день-

ги поступаютъ въ мірское общество, которому объявлено, что мужички »одни, какъ жертвователи, имѣютъ безспорное право на эти деньги«. Общество, приставивъ къ церковнымъ деньгамъ выборныхъ или посчителей, все-таки чувствуетъ себя властнымъ употреблять ихъ по своему произволу. Куда же дѣвать эти деньги? Мужичкамъ - прихожанамъ указываютъ на приходскую церковь; мужички, замѣтивъ на это, что ихъ церковь и безъ того хороша и споривши объ этомъ между собою, откладываютъ однако же часть денегъ на украшение церкви. Деньги остаются, - куда дѣвать ихъ? Мужичкамъ говорятъ о нуждахъ мѣстного духовенства; но они отвѣчаютъ: »духовенству достаточно земли и доходовъ, намъ не до нихъ, - у насъ своихъ нуждъ много«. Мужичкамъ говорятъ о школѣ, - они отвѣчаютъ: »мы, наши отцы, дѣды-прадѣды жили и безъ школы; а кому охота обучать дѣтей грамотѣ, тотъ и отдавай въ ученье кому хочеть: міръ за нихъ не отвѣтчикъ«. Мужичкамъ напоминаютъ о богоадѣльнѣ и другихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, - мужички отвѣчаютъ: »коли кому нужда, поди къ намъ съ Христовыми именемъ; вѣдь мы не бусурманы - не откажемъ«. Куда же дѣвать церковныя деньги? Лучшіе прихожане совѣтуютъ разукрасить на нихъ приходскую церковь; средніе предлагаютъ соблазнительную мысль употребить ихъ покуда на уплату общественныхъ податей, основываясь на томъ, что »вѣдь онѣ наши же«; на томъ же основаніи худшіе прихожане проводятъ въ общество другія, менѣе нравственные и болѣе соблазнительныя мысли, и мало по малу увлекаютъ на свою сторону среднихъ и лучшихъ. А казна, между тѣмъ, изволь тратиться на тѣ учебныя заведенія, которые при настоящихъ порядкахъ содержатся на церковныя деньги. Грустно и подумать объ осуществлѣніи проекта г-на Д...

Сельскій священникъ П. Красовскій.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪ ИЗДАНИИ ВОСКРЕСНЫХЪ БЕСѢДЪ ВЪ 1873 ГОДУ.

Воскресные бесѣды, издаваемыя Обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія въ *Москву* и печатаемыя первоначально за двѣ недѣли впередъ въ »Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ« и изъ нихъ въ то же время переводимыя въ отдельные оттиски для своевременнаго полученія ихъ по почтѣ во всѣхъ мѣстностяхъ нашего отечества, будуть тѣмъ же порядкомъ продолжаемы и въ 1873 году.

Воскресныя Бесѣды выходять еженедѣльно. Цѣна годового изданія изъ 52 листковъ—50 коп., съ пересылкою виѣ Москвы 1 р. 10 коп. Можно получать и прежнія бесѣды 1870 и 1871 по 50 коп. за годовой экз. За пересылку прилагается по 20 коп. за экз. *Воскресныя Бесѣды* 1869 года—вып. I и II, каждый по 10 коп., съ пересылкою по 20 коп.

Можно получать: въ *Москву*: въ книжномъ складѣ Отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ—въ Высокопетровскомъ монастырѣ, въ редакціи »Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей«—на Донской, въ приходѣ Ризположенской церкви, въ квартирѣ священника Рождественскаго.